

Местергази Е. Г. Жанровое своеобразие романа Захара Прилепина «Грех»// Проблемы поэтики и стиховедения: Материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной памяти и 70-летию доктора филологических наук, профессора В.В. Бадикова (15-16 октября 2009 г.). Алматы, 2009. С. 191-195.

Местергази Е.Г. (Москва)

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА «ГРЕХ»

Писатель из Нижнего Новгорода Захар Прилепин (род. в 1975 г.) – один из лучших современных русских прозаиков. Можно даже говорить о «феномене Захара Прилепина», который представляет собой чрезвычайно редкое для отечественной словесности явление: яркая биография + талант+ошеломительный успех+человеческая полноценность+народность. Вот такое сочетание.

На сегодня Захар Прилепин – автор трех романов.

Первые два – «Патологии» и «Санькя» – традиционны в жанровом отношении. Последний роман «Грех» (2007), получивший премию «Национальный бестселлер 2008», необычен по форме, отчего многие литературоведы и критики, в частности Владимир Бондаренко, Павел Басинский, Игорь Фролов, Александр Горбачев, Андрей Мирошкин, Алиса Ганиева, не склонны считать его романом. Сам Прилепин назвал «Грех» «романом в рассказах» (выделено мной. – Е.М.). То, что автор кого-то не убедил, не удивительно, ведь роман – самый сложный жанр.

О романе как жанре написано много замечательных работ, сделано немало тонких наблюдений. Но целостной, единой картины в теории романа нет. Есть концепции, исторические экскурсы, отдельные идеи. М.М. Бахтин писал: «Изучение романа как жанра отличается особыми трудностями. Это обусловлено своеобразием самого объекта: роман — единственный становящийся и еще неготовый жанр. Жанрообразующие силы действуют на наших глазах: рождение и становление романного жанра совершаются при полном свете исторического дня. Жанровый костяк романа еще далеко не затвердел, и мы еще не можем предугадать всех его пластических возможностей» [1,].

Что касается «романа в рассказах», то придумал новую модификацию, конечно, не Прилепин. Еще раньше, к примеру, вышла книга А. Сегеня «Страшный пассажир. Роман в рассказах» (М., 2003). Хотя и Сегень здесь не первый. Сегодня критики все чаще видят в «романе в рассказах» некую тенденцию в развитии современной литературы, некий симптом, указывающий на какое-то «вялотекущее заболевание», поразившее «большой роман» как жанр. Владимир Яранцев замечает: «...на пути к новой целостности, раскалывается, рассыпается, атомизируется литература, все дальше уходя от романа к рассказу, рассказику, анекдотику, абзацу, фразе, слову. И если все-таки пишется роман, то он почти всегда рассыпан, распылен на “микророманы” глав и главков, вставных новелл, воспоминаний и т.д. — “роман в рассказах”? Однако обратим внимание на то, что роман как понятие столбовое для литературы, державное, можно сказать, государственническое, не уходит со сцены. И не уйдет, даже если вздумать его выгонять. Вопреки всем вместе взятым модернизмам с приставками и без. Вопреки рассказу — королю и шоумену литературного “сегодня”» [2].

Сходное ощущение и у Алисы Ганиевой, посвятившей «роману в рассказах» специальную статью: «Роман, который оказывается собранием рассказов, – это не более чем гениальный обман и шутка. Готовность малой формы мимикрировать под большую, притвориться чем-то иным, перекликается с постмодернистскими тезисами и переводит жанр “сборник рассказов” в издательский формат, предполагающий единую фабулу, большой объем и другие романские признаки, у него отсутствующие. При этом гибридный жанр дает волю какому угодно количеству стартов и финишей внутри одной длинной дистанции. Такая книга и пишется, и читается свободнее» [3]. Подводя под свои размышления теоретическую базу, А. Ганиева попутно дает определение «роману в рассказах» – это «крупная форма с прерывной, но начатой и законченной историей» [3]. Ключевым оказывается постулат – «прерывная история». При этом как-то упускается из виду то обстоятельство, что лермонтовский «Герой нашего времени» – именно такая прерывная история, «роман в новеллах».

В целом, попытка разобраться в жанровой природе «романа в рассказах», предпринятая А. Ганиевой, небезынтересна, однако, в упомянутом обзоре общая

картина составлена из очень разношерстных и не равных по значимости произведений, а теоретические рассуждения строятся так, словно их цель – увести читателя подальше от сути, от проблематики рассматриваемых книг и их художественной ценности (не случайно «Грех» Захара Прилепина здесь сколько-нибудь подробному разбору не удостоился, будучи уподоблен тексту Е. Гришковца).

Но вернемся, собственно, к Захару Прилепину.

Одна из особенностей жанра «романа в рассказах», очевидно, состоит в отсутствии сюжета в привычном его композиционном построении, включающем экспозицию, завязку, развитие действия, кульминацию, развязку, а также, в некоторых произведениях, пролог и эпилог.

Композиция романа «Грех» – семь рассказов из жизни главного героя Захара, следующие один за другим, затем восьмой частью стоит подборка «стихов Захарки», а завершает все девятый рассказ о войне, который кончается смертью героя. Впрочем, сержант из этого последнего рассказа не назван по имени, но романная логика заставляет полагать, что это все тот же Захар, напрогочивший себе судьбу в стихотворении «Я жил уже не раз»:

Не сетуя, не злясь,
я опадал неспелым.
Душа в который раз
легко прощалась с телом [4, 189].

Вместе с тем из рассказываемого Захару Прилепину удастся выстроить сюжетное целое - историю личной жизни героя, данного в становлении.

Рассказ первый «Какой случится день недели» - своего рода экспозиция: читатель знакомится с героем. Повествование от первого лица, временные рамки намеренно разомкнуты, о чем красноречиво говорит название. Еще нет как таковой никакой истории, но герой явлен нам выпукло: он сердечен и предан, способен на поступок (история со щенками), любит и любим, а главное - умеет быть счастливым. А еще он обыкновенный нормальный человек, один из миллионов.

Рассказ второй «Грех» ведется уже от третьего лица. В нем герой предстает семнадцатилетним. История о несостоявшемся падении, о внутреннем преодолении сообщает нечто важное о Захарке – он знает, что есть вещи, через которые переступать нельзя, и чувствует, «как все правильно».

Рассказы третий и четвертый - «Карлсон» и «Колеса» - вновь ведутся от первого лица. Герою 23 года, он в поиске – работы, дела, себя самого. «Пробуя от переполняющей нежности к миру устроиться в “иностраннный легион”, получив нокаут от симпатичного собутыльника, пропадаая в кладбищенском запое, разводя вышибалой бандитов в ночном клубе, Захар ходит по краю пустоты — “горячей, душной, бешеной” — как та, что оставляют за собой колеса поезда, под который он чуть не попал» [5].

Рассказ «Шесть сигарет и так далее» по своей тематике переключается с романом Б. Виана «У всех мертвых одинаковая кожа». Только если виановский персонаж стремится максимально слиться с миром, где он «вышибала», герой Прилепина чувствует себя маргиналом в той среде, где вынужден находиться, зарабатывая на хлеб, чтобы прокормить семью. Здесь «за кадром» отчетливо звучит тема Родины.

«Жизнь как чудо»; ощущение полноты жизни и ценности каждого мига; любовь в ее противостоянии смерти; любовь как способ познания себя и мира – центральные темы не только рассказов «Ничего не будет» и «Белый квадрат», но и всего романа «Грех». Как справедливо пишет Дмитрий Володихин: «Автор создает ощущение нескончаемой брачной ночи, когда роль мужа играет основное действующее лицо книги, а роль жены – весь мир. ... подобное ощущение характерно для ранних рассказов экзистенциалиста Альбера Камю. “Ветер в Джамиле” и особенно “Бракосочетание в Типаса”». Ощущение брачного соития, совершаемого со всем миром, настолько сходно, что дух захватывает» [6]. Мне приходит на ум скорее проза Хемингуэя, его романы «Фиеста» и «Праздник, который всегда с тобой».

Последняя рассказ «Сержант», помещенный в книге после стихов, написан от третьего лица. Не столь важно, почему человек оказался на войне. «Есть вещи, которые нельзя объяснить», - сказал о том же герой книги «Прощай, оружие!». Главное – сделать свой выбор.

«Для вас Империя смердит, а мы есть смерды
Империи, мы прах ее и дым,
мы соль ее, и каждые два метра
ее Величества собою освятим» [4, 222].

Герой погибает на чеченской войне. История личной жизни получается завершенной. С точки зрения

композиции все выверено, жизнь Захарки, рассказанная фрагментарно, явлена во всей полноте.

Отдельного рассмотрения заслуживает название романа. «Обычно считается, что время покаяния, когда каждый христианин должен размышлять о своих грехах, есть пост. Однако независимо от того, время сейчас поста или нет, размышления на эту тему и вообще понимание этой проблемы для каждого человека необходимо всегда — еще и в силу того, что понятие греха практически стерлось в сознании людей XX века. И это незнание даже в принципе того, что такое грех, очень человека запутывает и часто пускает по ложному пути, потому что семидесятилетнее большевистское пленение привело не только к тому, что разрушили храмы и перестреляли почти всех священников, но еще и к тому, что очень многие вполне само собой разумеющиеся понятия, которыми жил русский человек сто лет назад, были как бы зацементированы, то есть на этом месте уже трава не растет» [7]. Грешен герой Захара Прилепина, грешна жизнь окружающих его людей. Но важно более другое: мир Захарки – это мир, где помнят о Боге и знают, что такое грех.

Подводя итог, нельзя не отметить, что жанр «романа в рассказах» не фантом, не обман, он имеет право на существование. И книга Захара Прилепина «Грех» - лучшее тому доказательство.

Список литературы:

1. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Яранцев В. Это сладкое слово – рассказ // Сибирские огни. 2003. № 2.
<http://www.sibogni.ru/archive/20/13/>
3. Ганиева А. Изобретение малой формы // Октябрь. 2008. № 7.
<http://magazines.russ.ru/october/2008/7/ga16.html>
4. Прилепин Захар. Грех: роман в рассказах. М.: Вагриус, 2009.
5. Иванченко В. «Грех». Захар Прилепин // Книжная витрина.
<http://www.zaharprilepin.ru/ru/prensa/greh/knizhnaja-vitrina.html>
6. Володихин Д. Чувство Бога // Политический журнал. № 29 (172). 15 октября 2007.

<http://www.zaharprilepin.ru/ru/prensa/greh/politicheskij-zhurnal.html>

7. Смирнов Д., протоиерей. О грехе и покаянии
(Почему стул не наследует жизнь вечную?)
http://azbyka.ru/nravstvennost_i_duhovnost/o_grehe/5g7_2_1_16-all.shtml